

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 340.126

М.Д. Биалутдинов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ «МИФА XX ВЕКА» АЛЬФРЕДА РОЗЕНБЕРГА¹

Статья посвящена анализу одного из важнейших источников по истории политико-правовой идеологии германского национал-социализма – трактата Альфреда Розенберга «Миф XX века». В ней раскрываются сущностные черты нацистской идеологии, такие как расизм, архаизм, иррационализм, стремление к тотальному регулированию всех сторон жизни общества.

Ключевые слова: Розенберг, национал-социализм, идеология.

Альфред Розенберг родился в Ревеле в 12 января 1893 г. Получил высшее образование, закончив в 1918 г. Московское высшее техническое училище. В том же году переехал в Мюнхен, в 1920 г. вступил в НСДАП. Он сыграл немалую роль в формировании мировоззрения Гитлера и идеологии партии, в особенности такой важнейшей составной части идеологии, как конспирологизм, т.е. объяснение всех негативных событий наличием всемирного еврейского заговора. Целью пропаганды конспирологических идей служили распространяемые им «Протоколы сионских мудрецов». В 20-е гг. Розенберг занимался издательской, идеологической и организационной работой в НСДАП, являясь главным редактором центрального партийного издания «Völkischer Beobachter» («Народный наблюдатель»). Наряду с Йозефом Паулем Геббельсом Розенберг был одним из самых активно пишущих функционеров партии. В 1930 г. он издал свой главный труд «Миф XX века», исследованию политико-правовых идей которого посвящена данная статья.

Идеологический трактат Розенберга состоит из трех книг, каждая из которых объединена одной центральной темой. Первая книга носит название «Борьба ценностей». Она содержит расовый историософский экскурс, обосновывающий сущность германства и враждебных ему сил и мировоззрений, действовавших в мировой истории: дионисийства, еврейства, католического универсализма, гуманизма, демократии и марксизма.

Розенберг в первой книге обосновывает положение о том, что главным позитивным двигателем исторического процесса является нордический характер. В качестве такого примера он приводит движение гугенотов во Франции во главе с Гаспаром де Колиньи и принца Людовика Конде. Идеолог движения подчеркивает разницу между убеждениями гугенотов и миро-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Политико-правовые воззрения идеологов германского национал-социализма в свете новейших тенденций развития исторической науки» №13-33-01220.

воззрением французского Просвещения, говоря, что последнее не обладало истинным благородством. Французскую революцию 1789 г. Розенберг характеризует как «кровожадную и внутренне бесплодную, потому что носителем ее не был великий характер». Затем он проводит сравнение Французской революции 1789 г. и Октябрьской революции 1917 г. в России, исходящее из его расовой концепции мировой истории: «Как и во время большевизма в России татаризованный представитель низшей расы убивал тех, кто своим внешним видом и смелой походкой господина казался подозрительным, так якобинская чернь тащила на эшафот каждого, кто был строен и светловолос» [1. С. 77]. Французская революция 1789 г., по мнению Розенберга, сделала хозяевами общественной жизни мелких лавочников, адвокатов и спекулянтов. Это обстоятельство в его концепции привело к господству демократии, то есть «власти денег, а не характера», которая нивелирует различия в формах правления, так как «человек XIX века в расовом отношении не был творцом, а на передний план выдвинулись еврейские банкиры, журналисты и марксисты» [1. С. 77].

Таким образом, главные силы «зла», оказывающие влияние на исторический процесс во всем его многообразии, включая развитие государства и права, в концепции Розенберга носят универсалистский, всемирный характер. Главным стержнем этих сил Розенберг представляет еврейство в двух его вариантах: либерально-демократическом и марксистском. Именно эти силы нацистский идеолог обвиняет в бедах Германии, произошедших в 1918 г. [1. С. 80]. Кроме них, ответственность за крах кайзеровской Германии в ноябре 1918 г. Розенберг также возлагает и на старый немецкий национализм, критикуя его за династизм, стремление к прибыли и растворение в «безыдейном бюргерстве». Затем автор провозглашает ключевой постулат, характерный для всех нацистов: крах старого мира после Первой мировой войны и возникновение ситуации для нового мира, основанного на национал-социалистической идеологии. Этот новый мир должен был строиться на принципах, прямо противоположных принципам развития XIX в. На смену рационализму, материализму и позитивизму XIX в. Розенберг провозглашает приход немецкой мистики и мифа крови [1. С. 159].

Основной массив политико-правовых идей «Мифа XX века» содержится в книге третьей под названием «Грядущая империя», в которой Розенберг обосновывает главные положения национал-социалистического государства и права. Розенберг изложил оригинальную концепцию генезиса государства. Согласно ей государство образуется как мужской союз. Нацистский идеолог подверг критике патриархальную концепцию возникновения государства, говоря о том, что государство нигде не было следствием общей идеи мужчины и женщины, а было всегда следствием мужского союза. Кроме того, он констатировал рост популярности патриархальной теории возникновения государства в ситуации эрозии ценностей семьи в результате «марксистских и демократических стремлений» [1. С. 354].

Теория возникновения государства как мужского союза иллюстрируется Розенбергом на различных исторических примерах: античных государств, Древнего Египта, Древнего Китая, вбирая в себя при этом некоторые аспекты других теорий в зависимости от специфики возникновения конкретного го-

сударства. Важнейшей из этих концепций является теория насилия, или как ее еще именуют, теория «двух мечей». «Первым целевым союзом, возникающим всюду в мире, является объединение воинов клана, рода, орды с целью совместной защиты от чуждого враждебного окружения. При покорении одного рода другим побежденный целевой военной союз включается в победивший целевой военный союз. Так возник первый росток подсознательно содержавшегося в идее целевого союза под названием государство. Гибель же означала отказ от идеи мужской дисциплинарной системы, мужской типобразующей нормы», – писал Розенберг [1. С. 354].

Помимо теории насилия, автор «Мифа XX века», прямо не упоминая ее название, обращается к гидравлической теории возникновения государства. Характеризуя возникновение Древнего Египта, Розенберг писал о том, что Египет быстро перешел от воинского мужского союза в техническое объединение, «культурным достижением которого стало освоение земли и использование изменений почвы, связанных с наводнениями» [1. С. 355]. «Так ученый техник, корректный, но неподкупный писарь, создал государственную общность», – писал Розенберг [1. С. 355].

Затем нацистский идеолог продолжает развивать концепцию государствообразующей роли мужского союза на примере конфуцианской этики в Китае. Он подчеркивает позитивную роль такого важнейшего элемента конфуцианства, как культ предков. Эта симпатия Розенберга к архаическим аспектам конфуцианства объясняется архаическими аспектами нацистской идеологии, главным из которых является культ почвы: «В Китае, конечно, добавляется еще культ предков, который культивировал инстинкт сплоченности, по крайней мере, в клановой вере, и в своей привязанности к земле представлял и сейчас еще представляет собой долговременный цемент древнего Китая» [1. С. 355].

Важнейшее место в видении генезиса, развития и гибели государств Розенберг уделяет расовому фактору, объясняя им различные события древнеиндийской и античной истории: «Сила Афин была подорвана демагогами, софистами, демократами, эмансипированными женщинами и расовым смешением и была вынуждена уступить место новому сильному мужскому союзу – воинам Александра Великого» [1. С. 357]. Затем Розенберг формулирует один из главных постулатов своего трактата: «Германский орден меченосцев, тамплиеры, масонский союз, орден иезуитов, союз раввинов, английский клуб, корпорация немецких студентов, германский свободный корпус после 1918 г., СА в партии Адольфа Гитлера и т.д. – все это яркие примеры бесспорного факта, что государственный, народный, социальный или церковный тип, каким бы разным он ни был по форме, восходит почти исключительно к мужскому союзу и его расе» [1. С. 359]. Таким образом, иерархизированные мужские сообщества разной степени закрытости являются главными силами, генерирующими ход событий мировой истории, в том числе и развитие государства и права. Носят ли эти мужские союзы «положительный» или «отрицательный» характер в концепции Розенберга, зависит от того, какой расой они основаны. Второй аспект этого постулата заключается в том, что многие из этих мужских союзов носили закрытый характер, из чего вытекает такая черта концепции Розенберга в частности и нацистской идеологии в целом,

как конспирологизм, т.е. объяснение всех негативных явлений наличием глобального заговора враждебных мужских союзов, в роли которых выступают католическая церковь и «еврейское масонство».

Провозгласив мужское сообщество главным двигателем мировой истории, Розенберг переходит к изложению главного «зла», ведущего к эрозии традиционных ценностей, а именно женской эмансипации. Главным негативным событием Новой истории Розенберг, как и все нацисты, объявляет Великую Французскую революцию 1789 г. Главным ее «злом» Розенберг провозглашает права человека и принцип формально-правового равенства, называя его «проповедью безумного равенства людей», из которой логически вытекала эмансипация евреев и женщин [1. С. 360]. Критикуя женскую эмансипацию, Розенберг считает требования движения «Союза за предоставление женщинам права голоса», выражающиеся в допуске женщин к участию в местном самоуправлении и государственной службе, привлечении женщин к осуществлению правосудия, предоставлении избирательного права, «программным сознательным наступлением на государство» [1. С. 360]. Критика эмансипации женщин у Розенберга сопряжена с критикой ее причин, выражающихся в индустриализации, и выражена в апелляции к архаике. После принципа формально-правового равенства Розенберг критикует принцип гуманизма за приоритет частного над целым: «Наша феминистическая демократическая «гуманность», которая жалеет отдельного преступника, но забывает о государстве, народе, короче, о типе, по праву является питательной средой для отрицающих все нормы или участвующих в них только с позиции чувств (эмоционально) стремлений» [1. С. 361].

Сопутствующими женской эмансипации «разлагающими силами» автор «Мифа XX века» называет мировую торговлю, демократию, марксизм и парламентаризм [1. С. 363]. Розенберг формулирует требования, которые должно реализовать национал-социалистическое движение: «Немецкая идея требует сегодня в разгар краха феминизированного старого мира, авторитета, типобразующей силы, расового отбора, автаркии, защиты расового характера, признания вечной полярности полов» [1. С. 367].

От проблемы эмансипации женщин Розенберг переходит к оценкам такой формы немецкой государственности, как Второй рейх. Автор «Мифа XX века» считает Второй рейх нежизнеспособным государством, так как «оно изначально было заражено либерализмом» [1. С. 377]. Вместе с тем Розенберг выделяет одну линию преемственности, соединявшую немецкую историю от Фридриха Великого, через Второй рейх к Третьему. Эту линию преемственности автор видит в ценностях прусского милитаризма, выраженных в личности Хельмута фон Мольтке. Эти ценности идеолог национал-социализма характеризовал следующим образом: «Вводимые Мольтке отношения между ответственным полководцем и его начальником штаба были прямой противоположностью того, что Бисмарк делал в дипломатии, когда он старался сделать своих министров зависимыми от себя в финансовом отношении. Непосредственный подчиненный был обязан обоснованно и четко представить свои взгляды и заносить их в протокол, даже если они противоречили приказу. Этот основной принцип, проводимый сверху донизу, поддерживаемый распоряжениями, которые все без исключения сводились к тому, чтобы вос-

питывать немецкого солдата – несмотря на жесткую дисциплину – самостоятельно думающим и решительно действующим человеком и бойцом, был немецкой тайной успеха в мировой войне» [1. С. 378]. Именно эти правила Мольтке Розенберг называет единственным спасительным путем для Третьего рейха.

Причины краха Второго рейха Розенберг видит в том, что сословие офицеров, основанное на чести, переместилось из страны на фронт. События 1918 г. Розенберг называет «мятежом». Излагая причины этого «мятежа», Розенберг дает интересную трактовку понятия «государство». Он говорит, что государство стало абсолютным понятием, ссылаясь при этом на его трактовки у Маркса и Гегеля. Вместе с тем его критика государства имеет сходство с либеральной. Исходной посылкой «зла» является представитель государства – государственный чиновник, возмнивший себя хозяином жизни, который на деле должен являться лишь «уполномоченным от народа для решения технических и политических задач» [1. С. 383]. Вроде бы исходный пункт критики, заключающийся в нарушении государством как стороной общественного договора (хотя сам Розенберг такого термина не употребляет) обязательств перед своим «нанимателем», совпадает с либеральной критикой государства. Но в роли «нанимателя» государства у Розенберга выступает не гражданское общество, а «органичное тело народа», понимаемое в расовом смысле. Отсюда вытекает центральный постулат нацистского видения государства как средства и инструмента, наряду с церковью, правом, искусством и наукой должного служить идеалу сохранения народа [1. С. 384], понимаемому в расовом смысле.

Затем Розенберг дает толкования терминам «социализм» и «национализм», генерируя в финале термин «национал-социализм», представляемый как беспрецедентно новое политическое явление. Он обвиняет старый национализм в том, что «он был лишь прикрытием для аграрных, крупных промышленных и финансово-капиталистических частных интересов» [1. С. 391], а кроме того, «был связан с либеральной демократией» [1. С. 394]. Критикуя марксизм, автор «Мифа XX века» использует еще один важнейший постулат нацистской идеологии – о наличии некоего союза между марксистами и «демократической плутократией». В зависимости от целевой аудитории и формата текста, утверждения об этом «сговоре» могут иметь в нацистской литературе относительно рациональное или сугубо конспирологическое объяснение о наличии заговора евреев-капиталистов с евреями-коммунистами. Розенберг дает рациональное объяснение: «Всякое подчинение индивида требованиям коллектива не является, таким образом, социализмом, не является им и также всякое обобществление, огосударствление или «национализация». Иначе и монополию можно было бы рассматривать как своеобразный социализм, что практически делает марксизм своим враждебным жизни учением: помочь подняться капитализму с тем, чтобы он все сосредоточил в небольшом количестве рук, чтобы потом заменить власть великих эксплуататоров мира так называемой диктатурой пролетариата. Принципиально это вообще означает не изменение отношений, а только мировой капитализм с другим знаком. Поэтому марксизм всюду шагает с демократической плутократией, которая, однако, всегда оказывается сильнее его самого» [1. С. 390].

Розенберг обвиняет социал-демократический марксизм в служении капиталу, а коммунизм – в разрушении традиционных ценностей [1. С. 391]. Наиболее удачно этот аспект нацистской идеологии охарактеризовал один из самых дискуссионных немецких историков Третьего рейха Эрнст Нольте. Он называет фашизм «сопротивлением трансценденции» [2. С. 430], под которой понимает две универсалистские идеологии: марксизм и либерализм.

Розенберг провозглашает нейтральность «истинного социализма» по отношению к частной собственности. Национал-социализм, согласно Розенбергу, должен признавать ее, если она гарантирует общую безопасность, и должен ограничивать ее там, где она создает опасность. В качестве примеров сфер, где возможна национализация, Розенберг приводит железные дороги и землю, что, по его мнению, будет способствовать созданию условий экономически угнетенным к культурному и государственному творчеству [1. С. 393].

После изложения взглядов на проблему отношений национал-социализма и собственности Розенберг переходит к гражданским правам и избирательному праву. Он увязывает получение политических прав с принесением клятвы на верность. Эта клятва должна быть принесена не «государственной форме», а заключаться в «признании германского национального учения высшим критерием оценки своих действий». Факт такой клятвы должен был быть обязательным для любого должностного лица, если оно ее не приносит (клятву), то теряет должность [1. С. 396]. За совершение преступления, направленного против чести германской нации, Розенберг предлагает лишать гражданских прав. Лица, не принесшие клятву, лишаются права на любые общественно значимые профессии, а не только на государственную службу, например профессии учителя и проповедника [1. С. 396].

Нацистский идеолог подвергает резкой критике современное ему всеобщее равное тайное избирательное право. Доводы этой критики достаточно банальны и заключаются в обвинении демократической парламентской системы в продажности. Взамен всеобщего равного тайного избирательного права он предлагает вернуться к архаическим принципам корпоративно-сословных выборов XVII в. Он мотивирует это тем, что избиратель, не видя кандидата непосредственно, теряет критерии оценки. Автор перечисляет следующие корпорации и сословия: армия, крестьянские союзы, чиновничество, организации свободных профессий, гильдии ремесленников, купечество, высшая школа, резюмируя свою идеальную избирательную систему следующим выводом: «Но голосовать будет не тайная, безымянная, подстегиваемая масса по более двадцати или тридцати спискам, а в конечном итоге круг личностей» [1. С. 399]. Данные предложения были популярны в Веймарской республике ввиду негативного восприятия значительной частью населения партийной системы страны и распространенности точки зрения о чуждости парламентаризма. Удивительно, но и в современной России находится место аналогичным архаическим предложениям, одно из которых высказал известный политолог Виталий Товиевич Третьяков, считающий, что Государственную Думу необходимо избирать по сословному принципу [3].

Помимо всеобщего равного тайного избирательного права, другим «злом», на которое Розенберг обрушил свою критику, было право на свободу

передвижения. Главной причиной, обусловившей эту критику, был процесс урбанизации, который, по мнению национал-социалистов, вел к деградации нордической расы. Автор предлагает запретить свободное переселение людей в города с населением свыше 100 тыс. человек, а также свернуть в таких городах жилищное и промышленное строительство [1. С. 402]. Апокалиптические образы процесса урбанизации Розенберг почерпнул из «Заката Европы» Освальда Шпенглера и произведений известнейшего политика Веймарской республики Вальтера Ратенау. Автор «Мифа XX века» объявляет право на свободное передвижение «негерманским догматам навязанной веры». Он считает, что отказ от него является лишь проблемой воли. Изображая возможные перспективы неудержимой урбанизации, Розенберг прибегает к излюбленной в период Веймарской республики нацистами архаической риторике: «Абсолютный отказ от «права» на свободное передвижение означает предварительное условие для всей нашей будущей жизни и поэтому должно иметь успех, если даже такой приказ будет воспринят миллионами сначала как тяжкий «ущерб для личности». Но остается только один выбор: «добровольно» встретить жалкий конец на асфальте, или «принудительно» процветать на селе или в небольшом городе» [1. С. 401]. Термин «асфальт» часто употреблялся в годы Веймарской республики и другими идеологами национал-социализма в качестве негативного обозначения последствий модернизации и урбанизации. Йозеф Геббельс, будучи главой столичной партийной организации НСДАП, называл Берлин «четырёхмиллионным асфальтовым чудовищем», враждебную нацистам прессу именовал «асфальтовым органом» и призывал «вбить революционное знамя в асфальт столицы» [4].

На уровне местного самоуправления Розенберг считал возможным сохранение избирательного права женщин. Именно на уровне местного самоуправления он считал возможным и полезным деятельность корпораций и широкое избирательное право, основанное на голосовании за списки известных личностей, представленных этими корпорациями. Исходя из этого, автор «Мифа XX века» следующим образом представлял соотношение воли народа и воли верховной власти, а также и воли народа в разных формах правления: «Настроенная на конкретные личности и ищущая силу народная воля должна идти навстречу правящей воле сверху. Неограниченная монархия знала только одно направление сверху вниз, хаотическая демократия – только массовый подпор снизу вверх. Германское государство будущего, организованное силовым актом отдельных лиц, не будет поставлять создающие типы личности по настроению избирателей и в результате денежного обмана, а получит их от стоящих у власти руководителей государства и будет обновлять их состав за счет воспитания в Германском ордене. Но выборы, проводимые по схеме, дают творческим личностям беспрепятственную возможность для продвижения» [1. С. 404–405].

Под «Германским орденом» Розенберг понимает «мужской союз», составленный из личностей, играющих ведущую роль в обновлении немецкого народа [1. С. 398]. Данный институт в его концепции является главным фактором легитимации государственной власти: «Но чисто государственный аппарат может осуществлять эту работу по типизации народа лишь несовершенным способом. Государственные законы могут носить только изолирующую

ший и ограничивающий характер, они не поучительны. Государство может и должно, например, подавлять большевистскую, лишенную отечества партию, но оно может делать это длительно только, если за ним сильная обновляющая жизнь воля и творческая общественная деятельность» [1. С. 397]. В этом положении заключается фундаментальное расхождение нацистского правопонимания и позитивистского. В нацистском правопонимании главным источником права является не столько государство, сколько личности и институты, выражающие интересы нордической расы.

Четвертая часть третьей книги «Мифа XX века» носит название «Нордическое германское право» и содержит изложение теории национал-социалистического права, а также критику современного Розенбергу права и правоприменения. В историческом развитии европейских правовых систем Розенберг выделяет две линии. Одну «позитивную»: от варварских правд к немецкому городскому праву и к национал-социалистическому праву. Вторую «негативную»: от римского частного права через Французскую революцию 1789 г. к современной Розенбергу Веймарской республике. «Негативную» линию автор критикует за материализм, формализм, поощрение «страсти наживы», приоритет защиты частного перед целым. Исходя из этого, Розенберг выстраивает дихотомию: защита чести в германском праве и защита собственности в идее римского права. «Прав» по германским понятиям был тот, чья честь неприкосновенна; после 1918 года «прав» был тот, у кого было больше денег, даже если он был величайший негодяй», – писал Розенберг [1. С. 413]. Также критикуя правовую систему Веймарской республики, Розенберг воспользовался наиболее популярным среди нацистов аргументом о непропорционально большой численности евреев среди адвокатов к общему количеству еврейского населения Веймарской республики [1. С. 413].

Римское право автор «Мифа XX века» называет «канонем индивидуалистического капитализма», попирающего честь народа в угоду экономическим интересам индивида. Прослеживается интересное сходство между пониманием Розенбергом места права и пониманием места права в марксистской дихотомии «базис – надстройка». «Право и государство находились над ними (над партийной, денежной властями. – М.Б.) как два других наслоения, как религия, искусство, наука», – писал Розенберг [1. С. 418]. Современное Розенбергу право Веймарской республики он называет «продажной девкой экономики, то есть страсти наживы и денег, определяющих политику» [1. С. 419].

Если в марксизме роль базиса, над которым надстраиваются право, политика, мораль, государство, искусство, религия, наука, играет способ производства, то у Розенберга в роли такого базиса выступает расовая идея. Розенберг критикует § 903 Германского гражданского уложения, содержащий норму о неприкосновенности частной собственности: «Не неприкосновенное право владельца на вещь, собственность одобряет немец (вопреки § 903 Германского гражданского уложения), а только влияние этого обладания собственностью. Внедренность в органичное целое, идея долга, живое отношение, – все это характеризует германский основной закон и все это соответствует волевому центру, поддержание чистоты которого мы называем защитой чести» [1. С. 420].

От постулирования необходимости перенесения приоритета правовой защиты с собственности на честь Розенберг переходит к вопросам уголовно-правовой охраны расы. Он выступает за введение сурового наказания за сексуальные отношения между немцами и евреями в виде конфискации имущества, выдворения из страны, заключения в каторжную тюрьму или смертной казни. Исходя из расовой точки зрения, Розенберг предлагает решать и миграционные вопросы, и вопросы предоставления гражданства. Он предлагал запретить въезд в страну «мулатизированным элементам», а также лицам, страдающим болезнями, влияющими на потомство, и преступникам-рецидивистам [1. С. 422].

Расовая идеология определяет в концепции Розенберга и цель наказания в уголовной политике государства. Наказание, согласно ему, не средство воспитания и не возмездие, а выделение «чуждых типов и чужеродной сущности» [1. С. 423].

Затем Розенберг переходит к вопросам функционирования двух институтов, призванных воспитывать народ: церкви и школы. Он выступает за деполитизацию церкви как института, называя политизирующего парламентского каноника «в высшей степени неприятным явлением политического либерализма», приводя в пример нормы Латеранских соглашений между фашистской Италией и Ватиканом 1929 г., закрепивших внепартийность церкви [1. С. 444]. При этом автор воздержался от прямой критики в адрес крупнейшей и влиятельной клерикальной Католической партии Центра. Что касается конфессиональной основы будущей церкви, то Розенберг выступает за объединение в ней не только католиков и протестантов, но и тех, кто, по его выражению, порвал с церковным христианством и сплотился в новую общину [1. С. 446].

Идеологическая доминанта должна, по Розенбергу, определять функционирование такого института, как школа. Первоочередной задачей воспитания в школе он называл не передачу знаний, а воспитание характера, под которым понимал «укрепление ценностей, затаившихся в глубине германской души». Во главу угла он ставил преподавание истории, понимаемой в расовом смысле [1. С. 457–459].

Следующую часть книги под названием «Новая государственная система» Розенберг посвятил обзору международной ситуации, изложенному в расовом смысле. Начало Первой мировой войны он во многом справедливо называет «великой мировой революцией». Автор «Мифа XX века» оценивает ее как событие, «сокрушившее старых богов и кумиров, перемешавшее не только духовную и внутривластную жизнь каждого народа, но и раз и навсегда перепутавшее линии границ довоенного времени» [1. С. 465].

Главной враждебной силой в Европе он представлял Францию, именуемую «европейским государством – выходцем из Африки под руководством евреев» [1. С. 473].

Размышляя о роли и месте Китая в современном ему мире, Розенберг вновь ярко демонстрирует свои симпатии к архаике. Он восхищается культом сыновней почтительности Сяо – одним из центральных элементов конфуцианства – и фразой Конфуция о том, что он ничего нового вносить не хочет, а только уважать и облагородить старое [1. С. 475–476]. Главным врагом ки-

тайского уклада Розенберг изображал вестернизацию, которую именовал «современным либеральным анархизмом». Негативную оценку он дает и явлениям, появившимся в результате такой вестернизации, например китайской национал-революционной интеллигенции, заключая, что ее представителей больше нельзя рассматривать как китайцев, связанных с природой китайского характера [1. С. 481].

В заключении Розенберг провозглашает «расовую мировую революцию» и новый германский миф [1. С. 510–512].

Оценивая роль и значение политико-правовых идей «Мифа XX века», можно сделать несколько выводов. Во-первых, этот источник содержит наиболее ярко выраженную апелляцию к архаике. Прославление архаики, выражающееся в негативном отношении к урбанизации, мифе крови и почвы, идеализации крестьянского быта, отрицании позитивной роли рецепции римского частного права, идеализации Средневековья, было неотъемлемой частью нацистской идеологии, проистекавшей из ее базовой сущностной черты – расизма. В годы Веймарской республики, когда немецкое общество испытало кризис идеалов и переживало процесс разрушения традиционных ценностей, апелляция к архаике была выгодной позицией для критики негативных процессов, происходивших в немецком обществе в 20-е гг.

Во-вторых, апелляция к архаике в нацистской идеологии в целом и в постулатах Розенберга в частности не могла быть в полной мере реализована на практике в условиях высокоразвитого индустриального общества, которым, безусловно, являлось немецкое общество. Характеризуя архаическую составляющую нацистской идеологии, трудно не согласиться с выводами выдающегося британского историософа Арнолда Джозефа Тойнби, который писал: «Фактически архаист всегда занят одним и тем же – примирением Прошлого и Настоящего. В противоречащих претензиях этих двух начал кроется слабость архаизма как образа жизни. Архаизм всегда стоит перед дилеммой: либо он уходит в Прошлое, оставляя Настоящее, но тогда броня его убежища не выдерживает натиска жизни. Либо пытается возродить Прошлое через Настоящее, но тогда он скатывается на грань вандализма, ибо в настоящем черты прошлого искажены до неузнаваемости. В любом из вариантов архаист, в конце концов, обнаруживает, что он не так уж отличается от модерниста, настаивая на анахронизме, он фактически открывает дверь для самых бесцеремонных и безудержных новаций» [5. С. 428]. Именно по этим причинам большинство постулатов «Мифа XX века», например антиурбанистические меры или отмена плода рецепции римского частного права – Германского гражданского уложения, не могли быть реализованы на практике.

В-третьих, сама книга не пользовалась уважением среди высшего руководства национал-социалистического движения. Вот что писал о «Мифе XX века» придворный архитектор, а затем рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер: «Розенберг распродал свою 700-страничную книгу «Миф двадцатого века» сотнями тысяч экземпляров. В общественном мнении она воспринималась как основополагающий труд партийной идеологии, но Гитлер отзывался о ней как «штука, которую никто не поймет», написанную «неким узколобым прибалтом со страшно усложненным способом мышления». Он все удивлялся, что такого рода книга смогла заполнить та-

кие тиражи: «Это же шаг назад, в средневековые представления!» Не ясно, дошли ли до Розенберга эти частные высказывания» [6. С. 58]. Один из влиятельнейших функционеров Третьего рейха – министр пропаганды Йозеф Пауль Геббельс – назвал ее макулатурой и «философской блевотиной» [7. С. 94].

В-четвертых, несмотря на то, что многие положения трактата не были реализованы в нормотворчестве и правоприменительной практике Третьего рейха, и на то, что Гитлер и Геббельс оценили его негативно, «Миф XX века» является важным источником по истории политико-правовой идеологии германского национал-социализма, наиболее обстоятельно раскрывающим ее архаическую компоненту.

Литература

1. *Розенберг А.* Миф XX века. Tallinn: Shildex. 1998. 516 с.
2. *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
3. *Третьяков В.Т.* Из каких сословий нужно выбирать парламент России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-tretyakov.livejournal.com/775062.html>
4. *Goebbels J.* Der unbekannte SA.-Mann. Teil 1. // *Goebbels J.* Kampf um Berlin. Der Anfang. . [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ia601504.us.archive.org/28/items/Goebbels-Joseph-Kampf-um-Berlin/GoebbelsJoseph-KampfUmBerlin-DerAnfang1934149S.Text.pdf>
5. *Тойнби А.Дж.* Постигжение истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
6. *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск: Русич, 1998. 700 с.
7. *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. Carl Hanser Verlag: München, Wien, 1991. 452 S.